

Известия Южного федерального университета.  
Филологические науки. 2024. Том 28, № 4  
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья  
УДК 81-2  
ББК 81.006.3  
DOI 10.18522/1995-0640-2024-4-83-92

## **ЭТНОСТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЕННОСТИ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**

*Эллеонора Владимировна Маремукова*

Министерство культуры Кабардино-Балкарской Республики, Нальчик, Россия

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова,  
Нальчик, Россия

**Аннотация.** Антропоцентрическая парадигма современного языкознания делает актуальным исследование лингвокультурных особенностей языковой экспликации категории одушевленности/неодушевленности, основанной на классификации объектов окружающего мира посредством проведения параллели с человеком. Компаративный анализ материала трех разноструктурных языков – кабардино-черкесского, русского и английского – нацелен на раскрытие этнокультурных особенностей репрезентации в языке коннотации живого и неживого. В результате проведенного исследования выявлено, что если в английской лингвокультуре одушевленность/неодушевленность манифестируется посредством использования местоимений третьего лица *he (он), she (она), it (оно, это)*, то в русской лингвокультуре местоимения *он* и *она* могут быть применены как к одушевленным, так и к неодушевленным существительным. При этом кабардино-черкесский язык разделяет класс человека и всех остальных, а местоимение *ар*, соответствующее русским и английским личным местоимениям третьего лица единственного числа (*он, она, оно, he, she, it*), не проецирует ни одушевленность/неодушевленность, ни гендерную принадлежность. Сопоставительное исследование разноструктурных языков раскрывает альтернативную концептуализацию окружающей действительности, а также выявляет особенности каждого языка, которые могут остаться нераскрытыми при автономном изучении отдельных языков.

**Ключевые слова:** язык, культура, лингвокультура, человек, одушевленность, неодушевленность, антропоцентризм

**Для цитирования:** Маремукова Э. В. Этностереотипизация категории одушевленности/неодушевленности в разноструктурных языках // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 83–92.

Original article

## **ETHNOSTEREOTYPING OF THE CATEGORY OF ANIMATENESS-INANIMATENESS IN LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES**

*Elleonora V. Maremukova*

Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russian Federation

Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russian Federation

**Abstract.** The anthropocentric paradigm of modern linguistics makes it relevant to study the linguocultural features of the linguistic explication of the category of animateness-inanimateness, based on the classification of objects in the surrounding world through parallels with humans. The comparative analysis of the material of three differently structured Kabardino-Circassian, Russian and English languages is aimed at revealing the ethnocultural features of the representation in the language of the connotation of living and nonliving things. The results of the study revealed, that in English linguistic culture animateness-inanimateness is manifested through the use of the third person pronouns *he, she, it*, while in Russian linguistic culture pronouns *on (he)* and *ona (she)* can be applied to both animate and inanimate nouns. At the same time, the Kabardino-Circassian language separates the class of a human and everything else, and pronoun *ar*; corresponding to Russian and English third person personal pronouns (*on, ona, ono, he, she, it*) does not project either animateness-inanimateness or gender. A comparative study of differently structured languages reveals an alternative conceptualization of the surrounding reality, and also unveils the features of each language that can remain undisclosed during the autonomous study of individual languages.

**Key words:** *language, culture, linguoculture, human, animateness, inanimateness, anthropocentrism*

**For citation:** *Maremukova E.V. Ethnostereotyping of the category of animateness-inanimateness in languages with different structures // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 4. P. 83–92.*

## Введение

Возрастающий интерес к изучению процесса языковой деятельности во взаимосвязи с мышлением и культурой обусловлен исключительно важной ролью языка в развитии общества и осмыслением его влияния на основные вопросы некоторых гуманитарных наук.

Проблема взаимосвязи языка и культуры, языка и человека была одной из центральных в исследованиях В. фон Гумбольдта [Humboldt, 1836]. Лингвистический детерминизм связан с гипотезой Сепира – Уорфа, в соответствии с которой мысли и действия человека определяются его языком [Sapir, 1958; Whorf, 1956].

В рамках антропоцентрической парадигмы научных исследований интерес исследователей смещается с объектов познания (слов) на субъекта (человека), подвергая анализу человека в языке и язык в человеке [Маслова, 2001, с. 6]. Языкознание больше интересуется языком в контексте культуры, нежели языком «в себе и для себя» [Яковлев, 2017, с. 13]. Антропоцентризм и функционально-коммуникативный подход в языкознании содействовали развитию целого ряда междисциплинарных наук: этнолингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, культурной семантики и т. д., отражающих различные грани человека как центра мироздания в соотношении с его языком, репрезентирующим важный источник информации в целом и о носителе языка в частности [Алпатов, 1993, с. 15]. Термин «лингвокультурология» был использован одним из основателей когнитивной лингвистики Р. Лангакером в своем заявлении, в котором он указал на взаимосвязь между культурными знаниями и грамматикой [Langacker, 1994, p. 31].

Анализ языка требует обращения к его носителю – человеку, его внутренним и внешним характеристикам. В рамках антропоцентрической парадигмы языкознания особую актуальность приобретает исследование специфики языковой экспликации категории одушевленности/неодушевленности. Компаративный анализ материала разноструктурных языков – кабардино-черкесского, русского и английского – нацелен на раскрытие лексических и грамматических особенностей проекции живого и неживого, обусловленной культурным своеобразием носителей языка, а также на работу национального мышления в данном процессе.

Необходимость установления этностереотипных особенностей экспликации в разноструктурных языках категории одушевленности/неодушевленности в рамках взаимодействия языка и культуры и их роли в процессе межкультурной коммуникации определила применение комплекса общенаучных и собственно лингвистических методов, таких как компаративный, этимологический, концептуальный и компонентный анализ, интерпретация и обобщение. Использование различных методологических приемов и способов способствует достижению поставленной цели в многоаспектном изучении специфики национального менталитета в процессе лингвистической проекции культурно сигнификативной информации – универсальной и культурно-специфичной, содействующей постижению лингвокультурной категории одушевленности/неодушевленности, а также организации эффективной межкультурной коммуникации.

### Исследование и его результаты

Категорию одушевленности/неодушевленности, являющуюся одной из самых значимых и важных понятий в грамматике большинства языков, традиционно связывают с разделением окружающего мира на живое и неживое. Эталоном живого существа является сам человек. С одной стороны, различие одушевленных и неодушевленных объектов действительности не соответствует разграничению живого и неживого в науках о природе, с другой – категоризация окружающего мира на объекты одушевленные и неодушевленные, живые и неживые, человека и вещей и подобные группы в различных языках обнаруживает лингвокультурную специфичность.

Категория одушевленности/неодушевленности имен существительных, как и некоторые другие языковые явления, отражает антропоцентрическую установку человеческого мышления, а несоответствие языковой картины мира научному осмыслению выступает еще одним проявлением культурного своеобразия носителей языка.

Восточная традиционная философская мысль подчеркивает единство человека и природы, субъекта и объекта, их целостность, в то время как западная традиционная философская мысль – их разделение. Наличие в английском языке множества неодушевленных подлежащих по сравнению с их малым количеством, например, в китайском языке транслирует различия в моделях мышления между разноструктурными языками. Феномен инактивации английского субъекта связывают с рациональным мышлением с целью демонстрации его объективности и беспристрастности [Qiu, 2019].

В кабардино-черкесском языке глагол имеет преимущественное положение в предложении, образуя предикативные конструкции, состоящие целиком из одной лексемы, что детерминировано агглютинативным характером языка. Однако предикат, в котором заключена коннотация действия, изменения, движения, репрезентирует главенство одушевленности (класса человека – субъекта, выполняющего это действие) в кабардино-черкесском языке.

В русском языке лексема «одушевленность» этимологически восходит к понятию души, имеющей важное лингвокультурное значение. В русской национальной системе ценностей в отличие от английской над рассудком, здравым смыслом доминирует понятие духовности, в соответствии с которой телу противопоставляется душа (дихотомия *душа и тело*), а не разум (англ. *body and mind – тело и разум*): *душевное спокойствие – peace of mind (спокойствие разума)*.

Многие ученые отмечают, что трехродовой системе классификации существительных в индоевропейских языках предшествовала двухродовая, основанная на противопоставлении по признаку одушевленности/неодушевленности [Мейе, 1938; Тронский, 1967; Кацнельсон, 1972], которая уходит своими корнями к состоянию с противопоставлением активного и инактивного начал [Климов, 1977, Коваленко, 2010].

Одушевленные объекты – это живые существа, или объекты, обладающие сознанием, интенциональностью, активностью, способные к автономному движению и волеизъявлению. Если неодушевленные предметы ассоциируются с пассивностью и отсутствием свободы воли, то одушевленные объекты выступают источником действия. Определяющим критерием одушевленности считают способность самостоятельно передвигаться [Narushevich, Bak, 2021], участвовать в возможности, обозначаемой предикатом, воспринимать окружающую среду и воздействовать на нее [Кочеваткина, 2004].

Самое известное отражение категории одушевленности/неодушевленности – наблюдающееся во многих языках разных систем наличие двух рядов местоимений *кто* и *что*, различие между которыми связывается с одушевленностью либо неодушевленностью референта. Наиболее последовательно это противопоставление проводится в языках активного строя [Большая российская энциклопедия, 2004–2017].

В разных языках одушевленные предметы доминируют над неодушевленными, однако это по-разному грамматически оформлено. Анимация имеет три уровня: биологическая одушевленность, одушевленность в концептуальной системе человека и одушевленность как особенность грамматики. Категория одушевленности/неодушевленности в русском языке находит грамматическую экспликацию у существительных мужского рода единственного числа (за исключением имен существительных мужского рода с окончаниями *-а* и *-я*) и у существительных всех родов множественного числа, а морфологическими средствами выражения выступают формы винительного с именительным и родительным падежами, в одной из которых он соответствует родительному падежу, в другой – именительному.

Полагается, что в русском языке потребность в разграничении форм родительного и винительного падежей имен существительных мужского рода, не различавшихся в древнерусском языке, способствовала формированию категории одушевленности/неодушевленности и детерминирована синтаксической близостью этих падежей при одном и том же глаголе – утвердительной формы винительного падежа и отрицательной формы родительного падежа [Нарушевич, 1996].

Значение одушевленности находит выражение на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [Кочеваткина, 2004]. В английском языке к неодушевленным именам существительным относятся маленькие дети и детеныши животных, что связывается с их несамостоятельностью и беспомощностью. Интересная лингвокультурная параллель наблюдается в кабардино-черкесском языке, в котором при различении класса человека и всего остального и использовании вопросительных местоимений *хэт?* (*кто?*) и *сыт?* (*что?*) по отношению к человеку и нечеловеку соответственно употребляется вопросительное местоимение *сыт?* (*что?*) в отношении младенца: *Сыт абы кьильхуар? Щалэ цыкгу хьэмэрэ хьыджэбз цыкгу?* (*Что она родила? Мальчика или девочку?* (не «Кого она родила?»)).

В истории многих языков противопоставление одушевленности и неодушевленности взаимодействует с категориями рода. В славянских языках

категория одушевленности/неодушевленности образует вместе с родом единую категорию согласовательного класса. В русском языке при адъективном согласовании в именительном падеже единственного числа различается род и не различается категория одушевленности/неодушевленности [Нарушевич, 1996].

Полагается, что в современном английском языке отсутствует категория рода, однако утверждается, что существует скрытая категория рода, выявляемая в соотношении определенных существительных с местоимениями *he* и *she*, а также их производными. Размытость категории гендера в английском языке выражается и в прономинализации одушевленных и неодушевленных существительных. Местоимения *he* и *she* активно используются для обозначения животных, к которым говорящий испытывает привязанность. Отмечается, что употребление местоимений *he* и *she* может быть связано с желанием говорящего подчеркнуть свое отношение к объекту как к разумному существу, а также что оно отображает древнее противопоставление по критерию одушевленности референта [Кравченко, 2004; Петрова, Токарева, 2018].

В английском языке местоимение *she* (*она*) может относиться к кораблям, автомобилям и странам. Г. Дойчер в книге «Через призму языка» приводит примечательное событие в английском языке, связанное с отнесением наименования корабля к женскому роду, соответственно и к одушевленным существительным: «20 марта 2002 года в газете *Lloyd's List*, посвященной корабельной индустрии была опубликована статья, посвященная одному происшествию – “...*Baltic Jet en route from Tallinn to Helsinki, which “had a fire in her port side en room at 08:14, local time”* («Паром *Baltic Jet* следовал из Таллина в Хельсинки, салон ее левого борта загорелся в 08:14 по местному времени». – Э. М.). Общественный резонанс вызвало сообщение на одной из последующих полос газеты, где в колонке редактора сообщалось: “...*We have taken the simple yet significant decision to change our style from the start of the next month and start referring to ships as neuter rather than female*” («Мы приняли простое, но важное решение изменить свой стиль и с начала следующего месяца обозначать корабли нейтральными словами, а не относить их к женскому роду». – Э. М.), что вызвало бурную недовольную реакцию читателей, осуждавших решение поменять привычное использование местоимения *she* (*она*) по отношению к имени существительному *ship*» [Deutscher, 2010].

В русском языке местоимения *он* и *она* не являются индикаторами одушевленности существительного по сравнению с английским языком, в котором *he* и *she* используются для обозначения одушевленных существительных мужского и женского родов. В русском языке личное местоимение третьего лица среднего рода *оно* при склонении по падежам наделяется чертами местоимения мужского рода *он* (*его*, *ему*), транслируя доминирование маскулинности в русской лингвокультуре, однако не влияет на категорию одушевленности/неодушевленности. В кабардино-черкесском языке личное местоимение третьего лица единственного числа *ар* коррелирует с местоимениями мужского, женского, среднего (нейтрального) родов *он*, *она*, *оно*, *he*, *she*, *it*, при этом не проявляя признаки ни рода, ни одушевленности/неодушевленности: *Он/Она/Оно промок/ла/ло под дождем – He/She/It got wet in the rain – Ар узшхым иуфэнцIащ (псыф ищIащ)*.

В английском языке традиционно полагается, что одушевленные существительные характеризуются большей склонностью к образованию притяжательных конструкций с формантом 's по сравнению с неодушевленными. Склонность существительных локативной семантики к образованию притяжательной формы с помощью форманта 's связывают с метонимической кор-

реляцией в сознании носителей языка по принципу *место – человек* [Петрова, Токарева, 2018].

В русском языке вопросительное местоимение *который/ая/ое* одинаково применимо к одушевленным и неодушевленным существительным в отличие от английского языка, где в подобной позиции для одушевленных выступают вопросительные местоимения *who, which, that*, для неодушевленных – *that, which* (либо их отсутствие), которые соотносимы с русскими *кто* и *который/ая/ое*, увеличивая частотность разграничения одушевленности и неодушевленности в английском языке: *I saw the girl, who won that competition* (Я видел/а девочку, которая одержала победу в том соревновании); *I bought the book (that) you recommended me to read* (Я купил/а книгу, которую ты (Вы) мне порекомендовал/и прочитать).

Лингвокультурной особенностью кабардино-черкесского языка является разделение имен существительных на группы (категории) человека и вещи. В отличие от категории одушевленности/неодушевленности в русском языке в кабардино-черкесском языке в категорию человека входит ограниченный круг слов, связанных с обозначением человека. К категории вещи относятся имена существительные, не имеющие отношения к обозначению человека. Это названия живых существ и явлений. Слова из группы человека и группы вещи в современном кабардино-черкесском языке, кроме своей семантики *человек – нечеловек*, различаются тем, что первые отвечают на вопрос *хэт?* (кто?), а вторые – *сыт?* (что?) [Кабардино-черкесский язык, 2006, с. 91–92; Адыгэ къэбэрдей-шэрджэс) грамматикэ, 2023, с. 106]. Существует мнение, что исторически подразделение имен на класс человека и класс вещи было выражено и морфологически [Рогава, 1956].

Разделение имен существительных на одушевленные и неодушевленные в кабардино-черкесском языке не является культурно сигнификативным и зафиксированным в языке – лингвокультурное значение в нем имеет оппозиция *человек – нечеловек*, проецирующаяся и в таких выражениях, эксплицирующих человека, как *цЫху къэхъужын (хъужын) (стать вновь человеком)* – от *цЫху (человек) + къэ* (преверб направления со значением *сюда*) – *выздороветь, поправиться, почувствовать себя лучше (get better, feel better)*; *цЫху мыхъужыну (укЫн) (избить до тех пор, пока он не потеряет человеческий облик (перестанет быть человеком))* – от *цЫху (человек) + мы-* (префикс с коннотацией отрицания) + *хъун (стать), -ж-* (возвратный суффикс) – *до смерти (избить) (to death (beat))*, эквиваленты которых в русской и английской лингвокультурах не содержат лингвокультурно объективируемого в кабардино-черкесском языке компонента «человек».

В английском языке категоризация получает живое/неживое (*animate-inanimate*) – *animal – животное, animate – живой*, что лингвокультурно подкрепляет отнесение животных к категории живого в английском языке, в то время как в русском языке причисление животных к одушевленным эксплицирует лингвистическую объективацию культурной информации наличия души (*одушевленный* – от *душа*). В то же время в кабардино-черкесской лингвокультуре, несмотря на то что животные наделяются душой, что стереотипизировано в лексеме *псэущхэ (животное – от псэ – душа)*, лингвокультурную актуализацию в кабардино-черкесском языке находит не категория живого и неживого, одушевленности и неодушевленности, а класс (группа) человека и вещи (всех остальных, за исключением человека, – *цЫху класс – мыцЫху класс*), что ставит человека выше всех других существ и элементов Вселенной.

### Заключение

Компаративный анализ материала разноструктурных языков – кабардино-черкесского, русского и английского – выявил этнокультурные особенности выделения категории одушевленности/неодушевленности, проецирующие различия в представлениях носителей языка о живом и неживом и биологических или научных данных, с одной стороны, и лингвоспецифичность актуализации одушевленности и неодушевленности в языке – с другой.

Анализ интерпретации носителем языка предметов как одушевленных или неодушевленных показывает, что эталоном одушевленного является сам человек. Формы жизни, отличающиеся от этого стандарта, зачастую неоднозначно классифицируются в языке, что объясняет противоречие оппозиции *живой – неживой*.

В русском языке категории рода и одушевленности/неодушевленности выражаются не только семантически (с заменой на местоимения), но и грамматически (согласовательно). Одушевленные существительные в русском языке, формы склонения которых совпадают в винительном и родительном падежах, обычно обозначают живые существа. Неодушевленные существительные, для которых характерно совпадение форм винительного и именительного падежей, номинируют неодушевленные предметы. Одушевленность/неодушевленность имен существительных в русском языке синтаксически репрезентируется в формах винительного падежа множественного числа, а для существительных мужского рода – и в винительном падеже единственного числа. В качестве грамматического показателя одушевленности рассматривается совпадение формы винительного и родительного падежей в единственном и множественном числе у существительных мужского рода и во множественном числе у существительных женского и среднего родов. Соответственно, грамматическая неодушевленность проявляется в совпадении винительного и именительного падежей.

В кабардино-черкесском языке эргативная конструкция не наделяет имен существительных специальными маркерами одушевленности/неодушевленности при их склонении.

В английском языке род как согласовательный класс отсутствует и выражается местоимениями *he (он)*, *she (она)* и *it (оно, это)*. Замена существительного на местоимение обуславливается семантически. При этом в русской лингвокультуре местоимения *он (he)* и *она (she)* могут быть применены как к одушевленным, так и к неодушевленным существительным. Местоимения *he (он)* и *she (она)* манифестируют одушевленных существительных, обозначающих мужской и женский пол, а местоимение *it* (близкое по смыслу к русскому *оно*) заменяет неодушевленные предметы, детей и детенышей. Наблюдается и отнесение неодушевленных объектов к существительным, обозначающим мужской или женский пол, в том числе по причине присвоения предмету имени.

Кабардино-черкесский язык дифференцирует класс человека и всех остальных, а местоимение *ар*, соответствующее русским и английским личным местоимениям третьего лица (*он, она, оно, he, she, it*), не проецирует ни одушевленность/неодушевленность, ни гендерную принадлежность.

«Одушевленность» в русском языке этимологически восходит к понятию души, имеющей важное лингвокультурное значение. В кабардино-черкесском языке понятие «живой» наделяется лингвокультурной информацией *имеющий душу – псэу (псэ – душа); жить – псэун (псэ – душа)*. Одушев-

ленность/неодушевленность переводится на кабардино-черкесский язык как *псэ зылут* – *псэ зылымт*, при этом эта категория имеет отношение не к живому и неживому, а к классу человека и классу всего остального. Соответственно, «наличие души», «активность», «способность к самостоятельному движению», «разумность», формирующие «одушевленность» в сравниваемых языках, в кабардино-черкесском языке лингвокультурно сопряжены исключительно с человеком, оставляя за рамками животных, по сравнению с русской и английской лингвокультурами. При этом кабардино-черкесская лингвокультура не считает животных (*псэуцхьэхэр*: от *псэ* – душа) неодушевленными – она, не отрицая их одушевленности, не относит их к человеку, являющемуся высшим существом, венцом природы.

Культурно-исторический опыт и аксиологическая информация отдельных народов, зафиксированные в языке, формируют мировую сокровищницу духовных ценностей. Обеспечению плодотворного и бесконфликтного межкультурного взаимодействия способствует как понимание универсального и общечеловеческого в культуре, так и постижение уникальной этнокультурной информации.

### Список источников

*Алпатов В. М.* Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.

Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2289524?ysclid=lw7tkv0ewy73371120> (дата обращения: 04.06.2024).

Кабардино-черкесский язык : в 2 т. Т. I : Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис / авт. проекта и гл. ред. М. А. Кумахов, под ред. М. Л. Апажева, Б. Ч. Бижоева, Н. Н. Зекореева, Х. Т. Таова. Нальчик: Республ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. 550 с.

*Кацнельсон С. Д.* Типология языков и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 215 с.

*Климов Г. А.* Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977. 320 с.

*Коваленко Н. С.* Отражение категории одушевленности/неодушевленности в индоевропейском именном склонении // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. 7 (97). С. 5–12.

*Кочеваткина А. П.* Категория одушевленности-неодушевленности в финно-угорских языках волжской группы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 2004. 44 с.

*Кравченко А. В.* Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2004. 206 с.

*Маслова В. А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.

*Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л.: Соцэкгонгиз, 1938. 510 с.

*Нарушевич А. Г.* Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1996. 24 с.

*Петрова Е. С., Токарева О. В.* Категории одушевленности/неодушевленности и гендера в английском языке: средства выражения, свойства интерпретативности и размытости // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81), ч. 1. С. 168–172.

*Рогава Г. В.* К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР, 1956. 154 с.

*Тронский И. М.* Общеиндоевропейское языковое состояние. Л.: Наука, 1967. 103 с.

Яковлев А. А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 2. С. 5–20.

Адыгэ (къэбэрдэ-шэрджэс) грамматикэ / щэныгэ ред. Б.Ч. БищЮ. Налшык: Принт Центр, 2023. 624 Н.

Humboldt W.F. *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts* [Электронный ресурс]. Berlin, 1836. 511 S. URL: <https://books.google.ru/books?id=BKpWAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 06.06.2024).

Deutscher G. *Through the language glass: why the world looks different in other languages*. N. Y.: Henry Holt and Company, 2010. 320 p.

Langacker R.W. *Culture, cognition, and grammar* // *Language Contact and Language Conflict*. M. Pütz (Ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 25–53.

Narushevich A., Bak H. *The category of animacy-inanimacy in the Russian language and the linguistic worldview* // *E3S Web of Conferences*. 2021. Vol. 273. Art. 11025. 6 p. DOI: 10.1051/e3sconf/202127311025.

Qiu J. *Inanimate Subject Sentences in English and Their Translation Strategies* // *Theory and Practice in Language Studies*. 2019. Vol. 9, no. 7. P. 878–883. DOI: <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0907.19>

Sapir E. *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*. Berkeley: University of California Press, 1958. 617 p.

Whorf B.L. *Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1956. 278 p.

### References

Alpatov V.M. (1993). On anthropocentric and system-centric approaches to language. *Questions of Linguistics*, no. 3, pp. 15–26. (In Russian).

Bizhiov B.Ch., ed. (2023). *Adyghe (Kabardino-Circassian) grammar*. Nalchik, Print Center, 624 p. (In Kabardino-Circassian).

Deutscher G. (2010). *Through the language glass. why the world looks different in other languages*. New York, Henry Holt and Company, 320 p.

*Great Russian Encyclopedia* (2004–2017). Available at: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/2289524?ysclid=lw7tkv0ewy73371120> (accessed 04.06.2024). (In Russian).

Humboldt W.F. (1836). *The diversity of human language and its influence on the spiritual development of the human race*. Berlin, 511 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=BKpWAAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed 06.06.2024). (In German).

Katsnelson S.D. (1972). *Typology of languages and speech thinking*. Leningrad, Science, 215 p. (In Russian).

Klimov G.A. (1977). *Typology of active languages*. Moscow, Science, 320 p. (In Russian).

Kochevatkina A.P. (2004). *The category of animate-inanimate in the Finno-Ugric languages of the Volga group*. Dissertation Thesis. Yoshkar-Ola, 44 p. (In Russian).

Kovalenko N.S. (2010). Reflection of the category of animate-inanimate in the Indo-European nominal declension. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*, iss. 7, pp. 5–12. (In Russian).

Kravchenko A.V. (2004). *Language and perception: cognitive aspects of linguistic categorization*. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House, 206 p. (In Russian).

Kumakhov M.A., ed. (2006). *Kabardino-Circassian language*. In 2 vols. Vol. I: Creation of writing, phonetics and phonology, morphology and syntax. M.L. Apazhev, B.Ch. Bizhiov, N.N. Zekoreev, Kh.T. Taov (Eds.). Nalchik, Revolution of 1905 Republican Printing Plant, El-Fa, 550 p. (In Russian).

Langacker R.W. (1994). *Culture, cognition, and grammar. Language Contact and Language Conflict*. M. Pütz (Ed.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 25–53.

Maslova V.A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow, Academy, 208 p. (In Russian).

Meye A. (1938). *Introduction to the comparative study of Indo-European languages*. Moscow, Leningrad, Sotsekongiz, 510 p. (In Russian).

Narushevich A., Bak H. (2021). The category of animacy-inanimacy in the Russian language and the linguistic worldview. *E3S Web of Conferences*, vol. 273, art. 11025, 6 p. DOI: 10.1051/e3sconf/202127311025.

Narushevich A.G. (1996). *The category of animate-inanimate in the light of field theory*. Dissertation Thesis. Taganrog, 24 p. (In Russian).

Petrova E.S., Tokareva O.V. (2018). Categories of animate-inanimate and gender in the English language: means of expression, properties of interpretability and blurriness. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, no. 3, part 1, pp. 168-172. (In Russian).

Qiu J. (2019). Inanimate Subject Sentences in English and Their Translation Strategies. *Theory and Practice in Language Studies*, vol. 9, no. 7, pp. 878-883. DOI: <http://dx.doi.org/10.17507/tpls.0907.19>

Rogava G.V. (1956). *On the question of the structure of nominal stems and categories of grammatical classes in the Adyghe (Circassian) languages*. Tbilisi, Publishing House of the Academy of Sciences of the Georgian SSR, 154 p. (In Russian).

Sapir E. (1958). *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*. Berkeley, University of California Press, 617 p.

Tronsky I.M. (1967). *General Indo-European language state*. Leningrad, Science, 103 p. (In Russian).

Whorf B.L. (1956). *Language, thought, and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf*. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 278 p.

Yakovlev A.A. (2017). The linguistic picture of the world as a linguistic concept: a review of Russian publications in recent years. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series. Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 15, no. 2, pp. 5-20. (In Russian).

### Сведения об авторе

**Маремукова Эллеонора Владимировна** – канд. филол. наук, главный специалист-эксперт, elleonora16@mail.ru

### Information about the Author

**Elleonora V. Maremukova** – Ph.D. in Philology, chief specialist-expert, elleonora16@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 07.06.2024; одобрена после рецензирования 03.10.2024; принята к публикации 03.10.2024.*

*The article was submitted 07.06.2024; approved after reviewing 03.10.2024; accepted for publication 03.10.2024.*